

Бранфилев Иван Андреевич

ДНЕВНИК
моих свиданий с дочуркой Леной

Документальная повесть

Минск
«Колорград»
2020

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44
Б87

Бранфилов, И. А.

Б87 Дневник моих свиданий с дочуркой Леной : документальная повесть /
Бранфилов Иван Андреевич. – Минск : Колорград, 2020. – 348 с.
ISBN 978-985-596-627-3.

У человечества цивилизованного нет более сложной проблемы, нежели проблемы разрушенной семьи. Сколько стрел, сколько копий сломано на этом поле брани! Сколько обвинений брошено в лицо справедливости, но от этого никому лучше не стало. Нынешние поколения с этими проблемами не справились. А справится ли поколение, идущее следом, – вопрос риторический.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 978-985-596-627-3

© Бранфилов И. А., 2020
© Оформление. ООО «Колорград», 2020

ДНЕВНИК

моих свиданий с дочуркой Леной

г. Пятигорск 1989 г.

Пролог

Идея написания дневника моих свиданий с дочуркой Леной появилась у меня неожиданно. Толчком к этому послужило постоянное противодействие им со стороны ее матери. Скорее всего, появившаяся мысль была не о дневнике, как таковом, а о желании оставить для Лены письменную память о ее раннем детстве: о тех событиях, которые происходили на ее глазах, о процессе становления и развития ее врожденного характера во взаимоотношениях с людьми и окружающим миром.

Как известно, от того, как проходит это становление, какие чувства, добрые или злые, пробуждает в ребенке каждый из родителей и окружающие, зависит его дальнейшая судьба. Останется ли появившийся на белый свет человек самим собой, со своей кармой или продолжит свой жизненный путь с изломанной, искаженной душой, сохраняя лишь телесную оболочку.

Печальна, несчастна судьба тех, кого переделывали на свой, эгоистический лад, подавляя его собственное «я», разрушая изначально заложенный в нем код развития души.

Что касается меня, то я делал все возможное, чтобы моя дочурка оставалась тем человеком, которым родилась, сохранила и развивала дальше унаследованные ею качества. А они были хорошими. Я избегал любого насилия над ее личностью.

С первых лет своей жизни Лена была подвижной, жизнерадостной, веселой, нежной, ласковой, доброй, заботливой; любила книги, особенно любила стихи и сама их сочиняла. И очень любила рисовать. «Дочка вся в папу. Папина дочка!» – часто с похвалой говорила родня и соседи.

Вести этот дневник я начал спустя, примерно, полгода после появления мысли о нем – постоянно что-нибудь отвлекало, сдерживало. Всегда сожалею, что не додумался до этого раньше, хотя бы сразу после развода. Этот пробел попытаюсь восполнить в настоящем вступлении в кратком изложении.

Кто из нас, взрослых, может с полной уверенностью сказать, что помнит себя в первые годы своей жизни? Очень немногие. И если помнят, то только лишь отдельные моменты, эпизоды наиболее ярких событий. А как было бы интересно проследить всю свою жизнь во всех ее проявлениях, начиная со дня рождения! Эту задачу я и поставил перед собой. Пусть Лена увидит себя не только на фотографиях и киноплёнке, но и на бумаге в виде документальной повести, написанной моей рукой и с большой любовью. Эти записи помогут ей разобраться во многих вопросах.

Все, что написано в этой книге, является подлинным. В ней все события записаны последовательно с максимальной точностью в тот же день (за редким ис-

ключением), когда они произошли. Никакого вымысла! В прямой речи употреблены только те слова, которые фактически и были произнесены участниками этих событий. Более того, сохранены порядок слов в предложениях (как они и были сказаны), интонация, а также эмоциональная окраска этих высказываний. Можно считать, что это, своего рода, письменная фотография жизни.

Думаю, будет справедливым и логичным отразить и те события, которые происходили до рождения Лены и имевшие к ней непосредственное отношение.

Я часто задумываюсь о своей судьбе, о том периоде жизни, когда наши с Татьяной пути пересеклись на зодиакальном круге и замкнулись в векторном кольце. Если бы я знал тогда, что попаду в мистический омут, единственным выходом из которого может быть только развод! Но понял это слишком поздно. Да и решение о разводе принял как-то неосознанно, интуитивно. Это была роковая любовь, и она принесла мне бездну бед.

Какая странная и трудная судьба выпала на мою долю! Какие душевные страдания пришлось перенести! От тех кошмаров, которые Татьяна ежедневно мне устраивала, я до сих пор вздрагиваю по ночам.

А начиналось все как будто хорошо. Познакомились мы случайно, но, как говорят, закономернo: нас свела ее подруга – моя знакомая. Характер Татьяны, все ее достоинства и недостатки, которые в дальнейшем полностью подтвердились, я определил довольно быстро. И был не в восторге. И, тем не менее, наше знакомство, быстро перешедшее в дружбу, продолжилось.

Вскоре познакомился с ее родителями и родственниками; познакомил и ее со своими братьями Андреем и Михаилом, проживавшими в Пятигорске. Мне тогда Татьяна с большой обидой выговаривала: «Зачем ты представил меня как свою невесту?». У меня это вызвало удивление. Но причину своего недовольства она так никогда и не объяснила.

Дружба, достаточно тесная, продолжалась более года. Мы постоянно гуляли по городу и в его окрестностях, ходили в кино, театр, ездили в гости, вместе отмечали все праздники за праздничным столом. Встречались почти каждый день. Даже, находясь однажды в больнице, я ухитрился незаметно ускользнуть от бдительных медсестер, следивших за строгим больничным режимом, и приезжать к ней на встречу.

Постепенно, несмотря на ряд неприятных качеств в ее характере, вызывавших иногда кратковременные ссоры, я все же решил на ней жениться. Главной причиной, повлиявшей на мое решение, было то обстоятельство, что я очень устал от многолетних скитаний по частным квартирам. За свою жизнь я переехал с квартиры на квартиру двадцать один раз, к тому же, с мебелью. За аренду квартир приходилось отдавать до половины своей зарплаты. Оставшихся денег не хватало ни на питание, ни на одежду, ни на другие самые необходимые по-

купки. Я уже не говорю о невестах. К этому можно добавить, что я очень соскучился по домашнему, семейному уюту. Женитьба, казалось, решала многие мои проблемы.

Однако, приняв такое решение, я еще долго колебался. Меня постоянно сдерживала какая-то внутренняя сила и я все тянул и тянул с официальным объявлением о своем решении, что Татьяну это начало раздражать. Наконец, решил. Последней каплей, подтолкнувшей меня к незримой пропасти, были успокаивающие слова ее тетки Анны Корнеевны (к которой никаких обид не имею, а в дальнейшем – за многое ей благодарен), сказанные ею еще раньше: «Ваня, да мы, женщины, все такие. Все время бесимся, бесимся, а потом, выйдя замуж, становимся нормальными, – убеждала она. – Вот посмотришь, и Татьяна изменится в лучшую сторону, особенно, когда родит ребенка».

О детях у нас с Татьяной был частый разговор. Я очень люблю детей. Выросший в многодетной семье (у моих родителей нас было девять детей) я всегда хотел иметь не только наследника. Но, насмотревшись на детей пьющих родителей, начитавшись специальной литературы о здоровом образе жизни, я всегда был сторонником рождения максимально здоровых детей. По моему твердому убеждению, до момента практического воплощения в жизнь вопроса о ребенке, необходимо хотя бы полгода не принимать никаких лекарств и не пить спиртных напитков. Во время беременности – тем более. И вопрос о детях надо решать только после создания семьи.

Когда я высказал эту мысль Татьяне и показал ей книжку «За здоровое поколение», она меня обсмеяла, сказала, что она врач и лучше меня во всем разбирается. Тем не менее, первое время я старался сам не допускать добрачной беременности, а потом полностью доверился ей, поверив на слово. Она заверила: «Не волнуйся, Ваня, это моя забота». Но, как выяснилось в дальнейшем, нарушила нашу договоренность, и в действительности делала все наоборот. «А я никогда до тебя не могла забеременеть», – парировала она мою обиду и упреки в вероломстве. Мечта о здоровых детях исчезла безвозвратно.

Этот обман стал первопричиной резкого, бескомпромиссного ухудшения наших взаимоотношений.

Позже, уже будучи беременной, она, бывало, за праздничным столом не всегда воздерживалась от спиртного, и я не всегда успевал ее остановить. О том, как она относилась к этому во время своего длительного пребывания на курсах повышения квалификации (квалификации врача, разумеется) – неизвестно.

Однажды, на день рождения, по этому поводу произошел скандал. Когда она взяла рюмку с водкой и хотела незаметно выпить, я резко возмутился, а ее мать, увидев это, громко, срывающимся голосом потребовала, стуча рукой по столу: Таня, не пей! Не смей этого делать! Ты же убьешь ребенка! Или покалечишь его!»

Тут же вмешались и ее тетки. «Это не ваше дело! Мне лучше знать!» – довольно грубо ответила она и демонстративно выпила.

Мне, человеку, вообще-то не пьющему, тяжело было видеть это. Я ярко представил, как сейчас ребенок извивается от действия водочного спирта, поступающего к нему по кровеносным сосудам. Я выскочил из-за стола, не находя себе места. «Врач называется! Будущая мать!»... – возмущался я, публично едва сдерживаясь.

До замужества она, улыбаясь, любила говорить: «Мужчина должен быть чуть красивее обезьяны». Сразу же после бракосочетания резко изменила свою тональность и часто повторяла совсем другие слова: «Ты посмотри на свою рожу! На кого ты похож!». Меня это, естественно, выводило из душевного равновесия.

Очередной неприятный след в памяти оставил первый день моей новой жизни в качестве примака. В тот день я оперативно нанял машину, погрузил все свое домашнее имущество и привез на квартиру своей нынешней жены. Вместе с грузчиками быстро выгрузил вещи, кое-как расставил мебель, кое – что разложил в своем серванте, остальное оставил в узлах, мешках, ящиках или, просто, в куче и уехал на работу.

Все это время Татьяна лежала на кровати с книгой в руках и равнодушно взирала на происходящее, не проявляя ни малейшего желания помочь.

Когда возвратился с работы, был немало удивлен не совсем тактичным поведением Татьяны. Она перебрала все мои вещи, просмотрела каждую книгу. Когда я спросил ее об этих странностях и сказал, что свои вещи я, вообще – то, должен сам перебрать и разложить по местам, она с полуулыбкой ответила: «Здесь я хозяйка! – и добавила, – А зачем тебе медицинские книги?» (некоторые из них она потом присвоила и не отдала, как, впрочем, и другие вещи).

Я был поражен; стоял и грустно смотрел на перерытые вещи, по – прежнему лежавшие посреди комнаты. Татьяна все в той же позе, что и утром, лежала на кровати с книгой в руках. «А кто тебе запрещает покупать литературу, например, по строительству?» – наконец, выдал я. Она презрительно и холодно посмотрела на меня и уткнулась в книгу.

Я молча расставил в разрешенных ею местах свою мебель и начал раскладывать вещи. Взял костюм, сорочки, открыл ее большой платяной шкаф и хотел туда повесить. Увидев мои намерения, она вскочила, как ужаленная: «Закрой сейчас же! Это мой шкаф! Нечего лезть туда со своей грязной одеждой!». Я остался в недоумении. «Извини, но ...мы же сейчас одна семья...И одежда у меня всегда чистая...А где же я могу повесить? У меня нет своего шифоньера» – «Купи!» – кратко бросила она. Я стоял в полной растерянности, поглядывая по сторонам, куда бы повесить. Ей, возможно, стало неудобно за свою бестактность, и она снисходительно предложила: «Можешь повесить в старый шкаф в «темной». Это будет твой шкаф!».

«Темной» называлась маленькая комнатуха с одним маленьким окошком, в которой была сооружена отопительная газовая печь. Шкаф, который Татьяна выделила мне, был совсем маленьким, невысоким и стоял у самого входа в сырую темную кладовку. Он был настолько низким, что, когда я повесил пальто и плащ, то их пришлось подвернуть почти наполовину. Так я и «жил» в этом шкафу, посещаемом мышами, до самого развода. Правда, часть моей одежды, не поместившейся в нем, постоянно висела на вешалке в коридоре.

На следующий день после переезда, когда я возвратился с работы, она подозрительно долго не желала со мной разговаривать, всем была недовольна. Наконец, часа через три – четыре не выдержала и сердито спросила: «Я никак не смогла открыть твои чемоданы! Зачем ты забил их гвоздями? Что ты там прячешь от меня?».

Обычно, меня очень трудно чем-либо удивить, но тут я обалдел совершенно. Посудите сами, разве может нормальный человек с таким маниакальным упорством, с такой демонической изощренностью, тайно копаться в чужих вещах? Все уже тщательно пересмотрела, перещупала, теперь добралась и до чемоданов! Бедные мои старенькие чемоданы, с которыми я объездил (со своей первой женой) почти всю страну! Им и здесь нет покоя. А что в них, этих старых чемоданах с поломанными замками может быть? Да всякая хозяйственная мелочь, так сказать, россыпью: от еще студенческих карандашей и чертежных приборов до гаечных ключей, отверток да шурупов. Чтобы эта мелочь не рассыпалась во время погрузки, разгрузки, перевозки, я и прибил крышки в чемоданах маленькими гвоздиками. Замки – то не защелкиваются – поломаны! О чем ей и сказал. Тем не менее, она потребовала открыть чемоданы и показать их содержимое. Такая бесцеремонность меня задела, и я категорически отказался сделать это. Она долго проявляла свое негодование, но с течением времени о них упоминать перестала. «Наконец – то, отстала» –, подумал я. Чемоданами и их содержимым я не пользовался и они спокойно стояли под ее кроватью. Спокойно ли? После переезда на частную квартиру (после развода с ней) я обнаружил следы их вскрытия. Все же, в конце концов, добралась и до них! Не стерпела. Не напрасно родилась в год свиньи.

С первых же дней возникла проблема с питанием. Обычно, все столовались на родительской половине. Обед (или уже второй полдник), по сложившейся семейной традиции, проходил с 15 до 16 часов. После обеда, убрав со стола, все продолжали смотреть телепередачи, а теща часто что-либо кроила или шила на этом столе на ручной швейной машинке.

Я возвращался с работы никак не раньше семнадцати часов, и получалось так, что к обеду уже опаздывал, а до ужина было еще далеко. Мне необходимо

было пойти на тещину половину, взять себе еду, которая осталась от обеда, и вернуться на свою половину, так как там основной стол был занят рукоделием, а кухонный, маленький, уставлен немытой посудой. Для меня это был уже ужин. Ужин в одиночестве в качестве изгоя.

С течением времени появились и другие неприятные моменты. Иногда Татьяна, позвеневав крышками кастрюль, как бы сокрушаясь, с извиняющейся улыбкой говорила: «что-то мы совсем про тебя забыли – ничего не осталось. Поищи у нас там что-нибудь и поешь! Несколько раз я был свидетелем другой картины: Татьяна, сняв крышку и нюхая содержимое кастрюли, говорила, обращаясь к матери, но, не видя, что я уже вошел в комнату: «Борщ опять скис. И выбрасывать жалко...Надо Ивану скормить!» – «Да как тебе не стыдно! Что, Ваня тебе собака?». – защищала меня теща. – «ничего – съест! Ему некуда деваться!» – с ухмылкой отвечала Татьяна.

После этих случаев я перестал ходить за ужином. Искал еду на нашей половине или, возвращаясь с работы, покупал что-нибудь в магазине. Как – то, не дождавшись меня, приходит Татьяна и спрашивает: «А ты почему за обедом не идешь?» – «А я уже поел». – «Где это ты поел?» – насторожилась она, – «По пути с работы купил в магазине кефира и хлеба и поужинал». – «Что, все объедаешься втихаря!» – гневно говорит она и, хлопнув дверью, уходит.

В примаках я никогда не жил, поэтому чувствовал себя весьма неуютно. Никто со мной не считался; мое мнение, мое слово было пустым звуком. Вскоре я понял, что в этой семье существует культ женщины. На мужчину здесь смотрят, как на что-то второстепенное, почти не нужное в хозяйстве. Еще в первые дни знакомства я удивлялся тому, что приготовлением пищи занимается отец, а мужскую работу выполняет ее мать. Татьяна же всегда находилась на привилегированном положении. Придя с работы, она сразу же забиралась на кровать, спала или читала книгу и ждала, когда отец все приготовит и позовет ее кушать. Даже в выходные дни Татьяна почти никогда не готовила. Но я не хочу кривить душой и отмечу, что Татьяна, когда мы оставались наедине еще в период знакомства, а приготовленного отцом ничего не было могла прекрасно приготовить любое блюдо. Но чаще говорила: «Пойду что-нибудь принесу – папа должен уже приготовить».

Те, порой натянутые, но вполне приличные добрачные отношения, которые у нас сложились с самого начала, резко сменились на полную немилость ко мне – она стала полновластной хозяйкой над моей судьбой, как это и предначертано законами векторного кольца. Она оказалась энергетическим вампиром. Моя душа была порабощена и я быстро угасал.

О том, что у нас родится дочка, я знал почти с самого начала. Такая уверенность основывалась на моих познаниях в этой области. Когда в роддоме сооб-

щили, что у нас родилась дочка (она родилась в одиннадцать часов сорок минут дня), я сразу же предложил назвать ее Леной. Это имя появилось в моем сознании неожиданно. Мне вспомнились вдруг сказки о Елене прекрасной, о Елене премудрой. Мне хотелось, что бы дочка была такой же умной, красивой, счастливой, как и героини лучших русских сказок.

Постоянно унижаемый, я решил, собрав остатки воли, хотя бы здесь настоять на своем. Татьяна категорически возражала, однако ничего не предлагала взамен. До самой выписки из роддома она так и не предложила своего варианта имени дочери. Я также настоял и на том, чтобы фамилию дочери, вопреки резкому протесту Татьяны, дать материнскую, а не отцовскую. Я исходил из того, что мою фамилию в течение всей моей жизни и при написании, и при произношении постоянно искажают, что не только раздражает, но и приводит к неприятным последствиям. А простая и понятная русская фамилия Сотникова избавит дочку от многих проблем в ее жизни. В конце концов, Татьяна согласилась, хотя потом еще долго мне выговаривала с обидой.

По существовавшим порядкам, из роддома никого не выписывали до оформления документов на новорожденных и предъявлении в роддоме свидетельства о рождении. Это требование было выполнено. Так дочка стала Сотниковой Еленой Ивановной, несмотря на то, что роддом передал в ЗАГС справку о рождении Бранфиловой Лены (в книге регистрации в ЗАГСе к моему приходу уже была сделана соответствующая запись, но я потребовал переоформления).

За Леной в роддом мы пришли троим: я, Вера Корнеевна и Анна Корнеевна – все счастливые, радостные. По существующему обычаю, я вручил врачу и медсестре огромный букет гладиолусов и две бутылки Советского шампанского. Вскоре нам вынесли Лену. Ее хотела взять Анна Корнеевна, но медсестра весело сказала: «Нет, дочку я отдам только папе! Это его дочка! Даже похожа на него!» – «Теперь я ее никому не отдам!» – ответил я, счастливый.

Я был безмерно счастлив, принимая в свои руки этот бесценный дар. «О, обрадовался, рот шире ушей!» – даже в эту торжественную минуту съязвила Татьяна.

От крыльца роддома до порога нашего дома я бережно держал ее в своих руках. Лена спала.

По пути к трамваю Татьяна почему-то старалась держаться в некотором отдалении от меня. В трамвае я сел с Леной на свободное заднее сиденье, а Татьяна медленно отошла почти в противоположный конец вагона. Вера Корнеевна и Анна Корнеевна удивленно переглянулись, посмотрели на меня, пожав плечами, и пошли следом за ней, что-то ей говоря. Мне было не совсем ясно ее поведение: то ли она стеснялась, то ли не хотела, чтобы кто-то видел ее с ребенком. Так мы и ехали до своей остановки.